

Памяти архимандрита Виктора Мамонтова

Святость лична

*Альберт (Алексей) Лочмелис,
алтарник храма в Карсаве*

Ушел к Богу мой отец, архимандрит Виктор Мамонтов, родивший меня во Христе. Мы прожили с ним бок о бок более двадцати лет до его затвора по болезни. Но духовно мы с ним не расставались и не расстанемся никогда. Он тот, кто в жизни

своей воплощал заповедь любви к Богу и к ближнему. Богу он отдал себя без остатка, отдав и здоровье. А ближнему он отдавал все остальное, что причиталось ему самому, ничего не оставляя себе. О чем бы ни начиналась беседа, она заканчивалась разговором о любви. От избытка сердца говорили его уста. Такой была его жизнь.

Не осуждая никого, он очень переживал, что нет правды в жизни среди христиан. Что в церкви мало говорят о самом Христе. О Христе, который претерпел смерть, чтобы примирить нас с Богом и друг с другом. Чтобы человек увидел человека. Для него каждый встречный был прежде всего человеком. Рядом с ним каждый чувствовал себя любимым. С ним можно было быть самим собой. Он

говорил о том, чтобы мы не старались быть Иоаннами Златоустами или Василиями Великими, так как святость лична, и встретившись самим с собой, можно встретиться со Христом, и что святость измеряется любовью. Это было в нем от начала до конца. Без него некоторые делят людей на своих и чужих, на приятных себе и неприятных, подзуживают, подсматривают, оговаривают. А рядом с ним все были едины.

В моем случае встреча с отцом Виктором — это встреча со Христом в нем. И может быть, я не поверил бы Евангелию, не будь рядом такого человека.

Источник: Facebook

Он любил тишину

Николай Эппле, филолог

Радость общения с ним, общения, дававшего отчетливо почувствовать опыт жизни в присутствии Бога — из самых глубоких переживаний в моей жизни. Это чувствовали многие, и Карсава была своего рода центром мира — у мира много центров, больше, чем кажется на первый взгляд. Туда ехали действительно со всего мира — в маленьком деревенском храме часто можно было встретить гостей из Москвы или Парижа, Нью-Йорка или Иерусалима, православных и не только, верующих и ищущих.

Обычную в нашей церкви и понятную в трудных человеческих ситуациях тягу к старцу, стремление препоручить свою жизнь в надежные руки отец Виктор нежно и тактично перенаправлял от себя наверх. Он вообще старался занимать как можно меньше места — в его книгах и докладах цитат едва ли не больше, чем авторского текста; отец Виктор считал публикации и выступления способом дать прозвучать голосам других.

Я тоже пару раз пытался «повиснуть» на нем, задавал ему настойчивые вопросы о том, что мне делать в трудных ситуациях, какой путь выбрать в жизни — он уводил разговор в сторону и читал мне Цветаеву с Мандельштамом (он был литературоведом по образованию). А после звал на службу.

Красив и поэтичен был его путь и люди, его окружавшие. В Москве, где в конце 1960-х и начале 1970-х он учился в аспирантуре Педагогического института, а потом преподавал, он был дружен с кругом Анастасии Цветаевой, сестры поэта, которая стала его крестной.

Среди друзей отца Виктора той поры — польская певица Анна Герман, о которой он написал трогательные воспоминания.

Связь с московской общиной отец Виктор сохранял и после своего отъезда в Латвию. Духовной жизни он учился тоже у удивительно красивых людей — схииеромонита Космы (Смирнова), архимандрита Тавриона (Батозского) и архимандрита Серафима (Тяпочкина) — им посвящена его книга «Сердце пустыни».

Теплые отношения связывали отца Виктора с архимандритом Зином (Теодором), одним из самых чутких современных иконописцев. Их общение — и сослужение — были очень красивы даже просто с визуальной точки зрения. Наблюдать общение отца Виктора с Сергеем Аверинцевым — вполне эльфийское даже в эпистолярной форме — было не меньшим удовольствием. Когда стало известно, что в Карсаву собирается приехать Ольга Седакова, мне очень захотелось именно увидеть их общение.

Стихия красоты очень чувствовалась и в карсавском храме, после службы там играли музыканты и читали стихи.

Все эти красоты могут привести на мысль о Свято-Евфросиниевском храме как чем-то вроде православной Кастилии — прибежище интеллигенции. Это не так, в Карсаву тянулись самые разные

люди, хотя музыкантов, поэтов и художников среди них всегда было немало. В жизни и слове отца Виктора, при всем их изяществе, совсем не было вычурности, а были простота и детскость — он очень любил общаться с детьми и чувствовал себя с ними, кажется, комфортнее, чем с взрослыми.

Эти красота и изящество не были вычурными, потому что были следствием жизни в присутствии Божиим. Об этом напоминало постоянно сопровождавшее его ощущение тишины и тайны, таинственности. Восприятие жизни как таинства нашло отражение и в его книгах, которые совсем не для красного словца называются «Таинство детства» и «Таинство жизни». Его проповеди — тихие и произносившиеся часто с полужакрытыми глазами — были сродни медитации, они тоже вели не к нему, а через него дальше.

Он любил тишину, безмолвную молитву и бесконечно уважал тишину в другом. Ведь чтобы услышать и Бога, и ближнего, необходим опыт тишины. Последние годы отца Виктора, проведенные в тишине, — тоже тайна, непостижимое свидетельство жизни в присутствии Божиим.

Источник: <http://www.pravmir.ru/creative/otets-viktor-9-dney/>

Отец Виктор любил божественный дар свободы

Ольга Седакова

Отец Виктор (Мамонтов) был похож на ожившую икону. Иконный образ неподвижен — но почему-то было совершенно ясно, что, выйди этот образ к нам, у него были бы такие движения рук, такой шаг, такая улыбка, как у отца Виктора.

Конечно, я имею в виду прежде всего образы рублевского письма. Заговори этот образ, его голос звучал бы, как у отца Виктора: удивительное звучание, в котором нет ни йоты насилия или вторжения в слух собеседника. Это звучание скорее приглашало в себя, чем устремлялось к тебе. И приглашало очень бережно, «на расстоянии двух свобод». Формулу о двух свободах отец Виктор любил и часто повторял: так должны строиться, говорил он, отношения между человеком и человеком, взрослым и ребенком, человеком и Богом.

С детьми у отца Виктора были самые доверительные отношения. Звери и растения отвечали ему взаимностью. Где-то у меня хранится его фотография с моим котом Шарлем на плече: они смотрят друг на друга с тихим восторгом. Есть фотография в азаровском саду, на которой он смотрит на старую антоновку и на Федю Василюка, собирающего с нее яблоки: отец Виктор явно хочет помочь Феде собирать яблоки и не свалиться с дерева, а яблоне — отдавать их и держать Федю.

Отец Виктор составил и издал молитвы старца

Силуана — наверное, этот образ святости был для него самым близким. И, конечно, отца Тавриона Батозского, у которого он проходил ученичество.

Каждый, кому довелось видеть отца Виктора вблизи, согласится: он был воплощенным благословением. Ты видел в нем самую милость Божию, обращенную к тебе лично. Когда он передавал тебе какую-нибудь конфету за столом, это чувствовалось не меньше, чем когда он помазывал елеем на соборованиях.

Мы встретились впервые в Италии, в монастыре Бозе, на конференции, посвященной русской святости. Он первым подошел ко мне и заговорил, сказал, что давно меня (то есть мои сочинения) любит. Я помню его смешную фразу. Заметив некоторое замешательство гостей из России перед трапезой (был какой-то постный день), он сказал: «Я давно понял, что есть можно все, кроме табуреток». Все знают, что сам он при этом почти не ел, и его желание относительно еды за трапезой в его приходе в Карсаве было, чтобы она была разноцветная. Он угощал: «А теперь вот этого зеленого возьмите! И вот этого желтого!».

В Бозе в то время жил греческий епископ на покое, и за столом он сказал: «А его (отца Виктора) мы не отпустим! C'est un bijouх¹!» И еще бы: приглашенные делали доклады о русской святости, а отец Виктор был сама эта святость, с головы до пят. Владыка Антоний Сурожский тоже в свое время приглашал отца Виктора перебраться к нему в Лондон. Может быть, и другие его приглашали... Но отец Виктор отказывался: он не хотел оставить «своих».

С тех самых пор, с Бозе, мы постоянно поддерживали связь с отцом Виктором. Он с посыльными присылал мне гостинцы: латышский сыр, копченых рыбешек, кедровые орешки. На орешках он особенно настаивал, велел мне есть их каждый день. «Они добавляют то, чего не хватает во всей остальной еде», уверял он.

Его тихость обладала укрощающей силой. Однажды я пришла

на его выступление в Москве из коммунального ада. У меня прорвались трубы в квартире,

соседи снизу справедливо бушевали, а сантехника вызвать человеческими силами было невозможно. В разодранных чувствах я поднималась по лестнице. И тут в громкоговорителе раздался голос отца Виктора. Говорил он о Достоевском, но это несущественно. От одного его голоса весь ужас, гнев и отчаяние у меня внутри исчезли. Я думаю, своей тишиной он мог

¹ Это сокровище! (фр.).

укротить любую бурю, внутреннюю и внешнюю.

Я могла бы еще много рассказать о его удивительных благодеяниях. Но пока кончу на таком. Однажды он навестил меня в Азаровке и почему-то захотел пройтись по поселку (коттеджному поселку, который недавно там появился). Владельцы коттеджей тогда только начинали «возвращаться в Церковь». Но вид отца Виктора, который шел, почти не касаясь земли, и излучал совершенно не здешнюю благожелательность, впечатлил их. Многие выходили из-за заборов, хотели его увидеть поближе. Отец Виктор каждого благословлял и благодарил: «Спасибо, что вы так хорошо относитесь к нашей Оле!» Я не сразу поняла, что он благодарил за будущее.

Отец Виктор любил, как он говорил, божественный дар свободы. И он ей обладал в высшей степени, свободой чад Божиих. Для него не было своих и чужих. Все перегородки для него мало что значили. Как у него это получалось — понять так же трудно, как то, что можно войти «дверем затворенным». Потому что двери у нас в самом деле затворены, и замки повешены, и установлено видеонаблюдение.

Дорогой отец Виктор, не забывайте нас, пожалуйста!

Источник: <http://www.pravmir.ru/creative/otets-viktor-9-dney/>

Фотографии Натальи Майзенберг и с сайта <http://pravmir.ru/>